

Новгородский музей-заповедник
Дом-музей Ф. М. Достоевского

ДОСТОЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы
XXIX Международных
Старорусских чтений
2014 года

Великий Новгород
2015

При обычной трактовке событий романа этим ключом ничего не открыть.

Но всё в корне меняется, если внимательно перечитать роман и убедиться, что Павел Смердяков Фёдора Павловича Карамазова не убивал. Тогда этот ключ открывает новые грани великого романа.

Литература:

ПСС Ф.М. Достоевского в 30-и томах, т. 29, кн.1, Л., «Наука»

ПСС Ф.М. Достоевского в 30-и томах, т. 14, Л., «Наука»

ПСС Ф.М. Достоевского в 30-и томах, т. 15, Л., «Наука»

«О великом инквизиторе: Достоевский и последующие», сост. Ю.И. Селиверстов, — М., «Молодая гвардия», 1992 г.

Разумов А.С. «Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы». Читаем ненаписанное продолжение великого романа», М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013 г.

НАОХИТО САЙСУ
(Япония)

О ВЛИЯНИИ ДОСТОЕВСКОГО НА ТВОРЧЕСТВО Т. МАННА ВО ВРЕМЯ МИРОВЫХ ВОЙН

В разных странах Достоевского воспринимали и воспринимают по-разному. Сохранилось письмо, написанное Т. Манном в 1951 году венгерскому писателю и переводчику Ене Тамашу Дьмери. В этом письме речь шла о трудностях работы переводчика и о переводах на немецкий язык русской литературы и другой зарубежной литературы. В частности Т. Манн писал: «Я не знаю ни слова по-русски, и немецкие переводы, в которых я в молодости читал великих русских авторов XIX века, были очень слабы. Однако это чтение я должен причислить к самым большим событиям в моем образовании. Если в книге есть суть, то многое останется и в плохом переводе, не беспокойтесь! И очень немногие знакомы с чужим языком, как с родным, настолько, чтобы ни одна тонкость иноязычного оригинала не ускользнула от них. Я склонен думать, что, читая произведение в оригинале, теряешь хоть и меньше, чем читая его на родном языке, но не *намного* меньше, если перевод пристоеен.»¹

Эти прекрасные слова дают надежду на то, что качественные переводы лучших произведений литературы позволяют читателям составить адекватное представление об оригинале. С одной стороны, с этим можно согласиться, но, с другой стороны, не бывает абсолютно

нейтральных переводов, в них неизбежно присутствуют эпоха, менталитет и мировосприятие переводчика. Поэтому нужно помнить о том, что Т. Манн читал произведения Достоевского на немецком языке и по ряду причин, воспринимал романы русского классика по-своему.

Классик немецкой литературы Т. Манн видел в Достоевском писателя, умевшего как никто другой изображать темные стороны человеческой души. Т. Манн считал, что идеи Ницше и некоторые идеи Достоевского опасны для человеческих душ, поскольку содержат зёрна национализма и фашизма. Т. Манн писал об этом в своих статьях. При этом немецкий писатель на протяжении всей жизни, и особенно во время первой и второй мировых войн, находился под влиянием Достоевского. Попробуем проследить, как отразилось отношение Т. Манна к Достоевскому на его романах «Волшебная гора» и «Доктор Фаустус».

В дневниках Т. Манна существует запись о том, что на разговор его героя Адриана Лверкюна с чертом в романе «Доктор Фаустус» (глава двадцать пятая) повлиял разговор между Иваном и чертом в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского (глава девятая «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» одиннадцатой книги четвертой части). Между этими главами много общего, что неоднократно отмечалось критиками. Однако, чтобы более глубоко понять масштабы влияния Достоевского на Т. Манна, на наш взгляд, нужно обратить внимание еще на один знаменитый роман немецкого классика — «Волшебную гору», а именно на главу «Вальпургиева ночь» этого романа. Главный идейный смысл главы «Вальпургиева ночь» раскрывается в разговоре, происходящем на французском языке, между Гансом Касторпом и мадам Шоша. При детальном исследовании текста можно заключить, что эта глава также написана под влиянием Достоевского, так как существует несомненное сходство между образом мадам Шоша и образом черта в романе «Доктор Фаустус». Обе главы находятся в середине романов Т. Манна и в идейно-философском плане представляют собой кульминационные моменты обоих произведений.

Мадам Шоша говорит о «le grand pécheur» (о великом грешнике) как о человеке, который ищет нравственность в преступлении. Отвечая на вопросы Ганса Касторпа, мадам Шоша дает объяснение тому, что такое мораль: «мы считаем, что нравственность не в добродетели, то есть не в благоразумии, дисциплинированности, добрых нравах, честности, но скорее в обратном, я хочу сказать — когда мы грешим, когда отдаемся опасности, тому, что нам вредно, что пожирает нас. Нам кажется, что нравственнее потерять себя и даже погибнуть, чем себя сберечь. Великие моралисты вовсе не были добродетельными, они были порочными, искушенными в зле, великими грешниками, и

они учат нас по-христиански склоняться перед несчастьем. Все это тебе, наверно, очень не нравится, правда?»². Можно с уверенностью сказать, что здесь Т. Манн устами мадам Шоша говорит о Достоевском. В письме Т. Манна (от 28-ого июля 1920-го года) Стефану Цвейгу Манн называет Достоевского великим грешником — «der große Sünder». В этом письме, Манн пишет: «"Искушенность в христианстве" — это выражение осталось у меня от времен моих занятий Савонаролой. Ницше, который ею обладал и сознательно разделял её с Паскалем, любил её в Достоевском. Это совсем иной мир, чем пластично — эпический; Толстой, в чьем морализировании есть чувственность, мало в этом смыслил. Господи, никаким он не был великим грешником, столь сокрушенно ни заставлял он себя в это поверить. А Достоевский им был. Я наверно всегда буду скорее называть его великим грешником, чем великим художником. Но чем-то совсем великим, чем-то потрясающе и страшно великим он во всяком случае был, <...>»³.

С идеями мадам Шоша перекликаются рассуждения Адриана Лервюна в его разговоре с чертом: «Вы полагаетесь на то, что гордость удержит меня от спасительного сокрушения, забывая при этом, что существует гордое сокрушение. Сокрушение Каина, который твердо знал, что грех его слишком велик, чтобы ждать прощения. Contritio⁴ без всякой надежды, полное неверие в прощение и милость, непоколебимая убежденность грешника, что он хватил через край, что никакое милосердие не простит его греха, — вот что такое истинное сокрушение, а оно — обращаю на это ваше внимание — наиболее близко к спасению, наиболее убедительно для милосердия. Согласитесь, что обыденно умеренный грешник весьма умеренно способен заинтересовать милосердие божие. В этом случае акт милости лишен огня, низведен до ординарной процедуры. Посредственность вообще не живет теологической жизнью. Греховность, настолько порочная, что грешник совершенно отчаивается в спасении, — вот подлинно теологический путь к благодати»⁵.

Отметим, что оба романа Т. Манна писались под впечатлением мировых войн. Роман «Волшебная гора» неразрывно связан с первой мировой войной, а «Доктор Фаустус» написан во время второй мировой войны. При этом глава «Вальпургиева ночь» была написана почти одновременно со статьей «Гете и Толстой», опубликованной Т. Манном в 1922-ом году. Таким образом, в этот период Т. Манн размышлял о творчестве Достоевского, отчасти находясь под его влиянием. Это влияние ощутимо в главе «Вальпургиева ночь». О своем отношении к Достоевскому Т. Манн написал в статье «Гете и Тол-

стой». Несмотря на то, что в названии статьи только два имени, она посвящена четырем писателям: Гете, Толстому, Шиллеру и Достоевскому. В этой статье немецкий классик называет Гете и Толстого «детьми природы» («kinder der Natur»), а Шиллера и Достоевского — «детьми духа» («kinder der Geist»). Т. Манн считает, что писатели делятся на два типа, но сам при этом не склоняется ни к одному из них, стремясь занять среднее положение. О Достоевском он в частности написал: «Бледный лик страждущего, погруженного в думы святого преступника»⁶. В этой статье Т. Манн высказывает точку зрения, что болезнь Достоевского, как и его постоянная сосредоточенность на темных, преступных сторонах человеческой души, были необходимой составляющей частью творческого процесса русского писателя.

Почему Т. Манн называл Достоевского «великим грешником» или «святым преступником»? По нашему мнению, одно из возможных объяснений заключается в том, что в формировании отношения Т. Манна к Достоевскому большую роль сыграл Д. Мережковский. Немецкий классик прочитал большую статью Мережковского «Толстой и Достоевский», которую впоследствии многократно цитировал в своих публицистических работах. Как известно, у Достоевского часто случались припадки падучей. Мережковский считал эту болезнь признаком святости Достоевского, он писал: «Древние называли падучую священной болезнью. Народы Востока видели в ней, по выражению Достоевского, "нечто мистическое", связанное с даром пророчества и ясновидения, божеское или бесовское. <...>» «после припадка «душевное состояние его было очень тяжело; он едва справлялся со своею тоскою и впечатлительностью. Характер этой тоски, — по его словам, — состоял в том, что он чувствовал себя каким-то преступником, ему казалось, что над ним тяготеет неведомая вина, великое злодейство». Эту последнюю цитату Т. Манн приводит в своей статье «Достоевский — но в меру». Когда Мережковский писал о болезни Достоевского, он использовал слова «великая святость» и «великое злодейство». (Отметим, что Мережковский также участвовал в редактировании первого полного собрания сочинений Достоевского на немецком языке, которое было издано в Германии в 1906 — 1919 годах. Многие предисловия в этом издании были написаны также Мережковским.)

В 1930-е годы в дневниках Т. Манна почти нет упоминаний о Достоевском, но с 1938 года Т. Манн вновь начинает перечитывать произведения Достоевского. В 1943 году немецкий писатель начал работать над романом «Доктор Фаустус». Как отмечает Бахтин в своей

известной монографии «Поэтика Достоевского», в романе «Доктор Фаустус» мы можем ощутить сильное влияние полифонизма Достоевского. В 1945-ом году Манн опубликовал критическую статью «Достоевский — но в меру», которая свидетельствует о растущей настороженности в его отношении к русскому классику. Отметим, что в это же время он работал над двадцать пятой главой своего романа «Доктор Фаустус». В статье «Достоевский — но в меру» Т. Манн утверждает, что творчество русского писателя может оказаться опасно для душевного состояния его читателей, и вспоминает слова, написанные им о Достоевском в статье «Гете и Толстой»: «Но о двух других факторах моего духовного воспитания — о Фридрихе Ницше и Федоре Достоевском, — которым я обязан не меньше, чем Гете и Толстому, которые столь же глубоко потрясли меня в молодости и чье воздействие на меня не переставало расти и углубляться в зрелые годы, я не написал ничего связного. <...> А «глубокий, преступный и святой лик Достоевского» (так я однажды выразился) лишь порою возникает в моих сочинениях, чтобы тотчас же вновь исчезнуть. <...> Демоническое следует воспевать в стихах, а не рассуждать о нем — так по крайней мере мне кажется»⁷. Поэтому Т. Манн в своих критических статьях всегда писал о Достоевском «в меру». Зато им созданы романы, в которых герои высказывают мысли, перекликающиеся с мыслями и убеждениями героев Достоевского.

При сравнении двух разговоров — Ганса Касторпа с мадам Шоша и Адриана Леверкюна с чертом, можно увидеть, что изменение в отношении к Достоевскому Т. Манна ощущается и при изображении тех персонажей, которые вызывают ассоциации с Достоевским. В романе «Волшебная гора» мадам Шоша, заменяющая мораль антиморалью и добродетель пороком, является не только символом соблазна, но и символом России. Ганс Касторп влюблен в нее. В главе «Вальпургиева ночь» он пробует сблизиться с предметом своей страсти. Касторп обращается к ней на «ты», несмотря на то, что раньше они никогда не разговаривали. В романе «Доктор Фаустус» разговор главного героя с чертом инсценирован иначе. В отличие от Ганса Касторпа, Адриан Леверкюн сразу видит, что перед ним черт. Черт обращается к герою на «ты», несмотря на то, что Адриан никому не разрешает говорить ему «ты», кроме нескольких самых близких друзей. Адриан испытывает ненависть к черту, но в конце концов подчиняется силам Зла. (Напомним, что в романе «Братья Карамазовы» Достоевского черт говорит Ивану Карамазову: «Мне нравится, что мы с тобой прямо стали на ты». И Иван отвечает ему: «что ж я вы, что ли, стану тебе говорить»⁸.)

Таким образом, Т. Манн интересовался Достоевским особенно сильно в периоды мировых войн, и именно в это время им были написаны критические статьи о Достоевском и те главы его романов «Волшебная гора» и «Доктор Фаустус», которые тематически и философски больше всего связаны с Достоевским.

¹ Манн Т. Письма. — М.: Наука, 1975. С. 306—307.

² Манн Т. собр. соч. в 8 т. — М.: Терра, 2009. Т. 1 С. 479.

³ Манн Т. Письма. — М.: Наука, 1975. С.

⁴ Здесь «Contritio» значит «покаяние».

⁵ Манн Т. собр. соч.: в 10 т. — М.: Художественная литература, 1960. Т. 5 — С. 322.

⁶ Манн Т. собр. соч.: в 8 т. — М.: Терра, 2009.. Т. 8 — С. 125.

⁷ Там же. С. 282 — 283.

⁸ Достоевский Ф. М. Полн. Собр. соч.: в 30 т. — Л., 1972—1990. Т. 15. С. 72.

Л. И. САРАСКИНА
(Москва)

КНЯЗЬ МЫШКИН В БОМБЕЕ, НА КУРОРТАХ ГОА И В ДРУГИХ КРАЯХ. ПРИНЦИПЫ АДАПТАЦИИ

Весной 2012 года в Дели (Индия) проходила масштабная Международная конференция «Русское слово в современном межкультурном контексте». На одном из «Круглых столов» мне довелось познакомиться с сорокапятилетней индийской киноактрисой, женщиной поразительной красоты, к тому же умной, эмоциональной, обаятельной, с огромными, в пол-лица, черными глазами. В разговоре выяснилось, что Мита Васиштх (так звали актрису) сыграла уже в сорока фильмах, среди которых и картина 1992 года «Ахамак» («Ахмак»), иначе говоря, экранизация романа Ф. М. Достоевского «Идиот», где она, тогда 25-летняя красавица, исполнила роль Настасьи Филипповны Барашковой. Спустя год я получила от нее диск с этим фильмом.

Стоит сказать несколько попутных слов об индийском кинематографе.

Во-первых, он почти что ровесник европейскому: после показа первого фильма братьев Люмьер в Лондоне (1895 год) первый короткометражный фильм в Индии был снят всего три года спустя режиссером Хиролалом Сена и назывался «The Flower of Persia» («Цветок Персии», 1898 год). В начале двадцатого века индийское кино завоевало популярность по всей стране. Были придуманы входные билеты